

Адыгейское республиканское общественное движение “СТАРЕЙШИНЫ АДЫГИ”

Президенту
Российской Федерации
В.В. Путину,
Председателю
Государственной Думы
Федерального Собрания
В.В. Володину,
Председателю
Совета Федерации
Федерального Собрания
В.И. Матвиенко,
Прокурору
Российской Федерации
Ю.Я. Чайке,
Министру внутренних дел
Российской Федерации
В.А. Колокольцеву,
Председателю
Следственного Комитета
Российской Федерации
А.И. Бастрыкину,
к руководителям
политических партий
Российской Федерации,
к национальным
общественным организациям
Российской Федерации

13 сентября 2017 года прошли обыски в служебном помещении и на квартире директора “Института русской цивилизации”, председателем “Всеславянского Союза”, главным редактора газеты “Русский вестник”, доктора экономических наук, профессора Олега Анатольевича Платонова, что, естественно, вызвало обеспокоенность у общественности и патриотических кругов Российской Федерации.

Тем более, когда уважаемому человеку инкриминируются действия неправомерного характера, подпадающие под ст.282 УК РФ.

Как известно, “Институт русской цивилизации” занимается возвращением обществу научных трудов и великих открытий учёных, государственных деятелей, чьими усилиями создано Государство Российское – образец Державы, строящийся на началах добра, правды и справедливости. Идеи и труды наших великих предков – основа для развития современной России.

После ухода из жизни А.А. Сенина энциклопедист О.А. Платонов взвалил на себя неимоверно тяжёлую ношу и достойно продолжает благое дело в интересах нашей страны.

Особое место занимают исследования О.А. Платонова (например, “Как и на чём строилась многонациональная Россия”, журнал “Изборский клуб”, №10(46) 2016) в контексте исполнения положений программной статьи В.В. Путина “Россия: национальный вопрос” (“Российская газета”, 23.01.2012), в которой он констатировал: “Русский народ является государствообразующим – по факту существования России”.

Именно стремлением поддержать

В.В. Путина вызвано начинание Старейшин Кавказских народов (форум организован республиканским

Обращение

общественным движением “Старейшины Адыги” и патриотическими кругами Москвы, июль, 2016 г. Майкоп), приобретшее форму “Кавказской инициативы”, цель которой – придание законодательным порядком русскому народу статуса госу-

дарствообразующего. Впоследствии “Кавказская инициатива” переросла в “Кавказо-Русскую инициативу”.

Опыт государственного строительства “новой России” свидетельствует – государствообразующий статус русского народа реализован только двумя законодательными актами: Конституцией Карачаево-Черкесской Республики (преамбула) и Уставом Краснодарского края (статья 2), за что разработчикам, проявившим определённую волю в трудное время, необходимо отдать должное.

О.А. Платонов с пониманием воспринял идею “Кавказо-Русской инициативы”, оказывая оргкомитету посильную помощь.

Если какие-либо претензии к О.А. Платонову связаны с его поддержкой “Кавказо-Русской инициативы”, или его открытым одобрением политики сближения интересов российских народов, его призывами по консолидации российских патриотов, его утвердительной верой в созидательный потенциал российского народа, его пониманием необходимости перевода статуса русского народа из состояния “де факто” (о чём открыто провозгласил президент В.В. Путин) в фактическое “де юре”, то такое отношение к О.А. Платонову нам не вполне понятно,

от кого бы оно ни исходило.

Ведь непродуманные действия определённых федеральных структур общество воспринимает как вызов, прежде всего, лично президенту страны В.В. Путину, с неимоверным трудом стабилизировавшему российскую государственность в последнее десятилетие, а также будет вынуждено рассматривать как неприкрытое противодействие формируемой государственной национальной политике лидера страны, отвечающей вызовам времени.

В деле с О.А. Платоновым нельзя не видеть и другую сторону.

В своё время, затеяв братоубийственную войну в Чечне, российский олигархат в течение 10 лет рассовал по своим карманам богатство, накопленное поколениями русского и коренных народов.

Чтобы отвлечь внимание населения, спустив на тормоза решение статуса русского и коренных народов, противники России “объявили войну” лидером патриотических сил в разных регионах (Краснодарский край – старейшина шапсугов Причерноморья Гвашев Руслан Индрисович, Пермский край – Юшков Роман Авериевич, общественный деятель и др.) страны, тогда как на деле они являлись выразителями интересов Государства Российского.

Несмотря на законодательные и иные коллизии, старейшины уверены, рано или поздно проблема государствообразующего статуса русского и коренных народов будет доведена до логического решения. В чем заслуга и вклад Олега Анатольевича Платонова и возглавляемых им “Института русской цивилизации”, газеты “Русский вестник”, его уникальных исследований, востребованных российским обществом, будут значительны.

Старейшины надеются, что деятельность органов власти всех уровней, общественных организаций и движений будет направлена на улучшение, а не на ухудшение положения дел в родном Отечестве.

По поручению и от имени республиканского общественного движения “СТАРЕЙШИНЫ АДЫГИ”, “Думы СТАРЕЙШИН Кабарды” Кабардино-Балкарии, Старейшин Азербайджанской общины Адыгеи, Старейшин грузинской общины Адыгеи, Старейшин вайнахской (ингушской, чеченской) общины Адыгеи, Старейшин татарского общества “Дуслык” Республики Адыгея, Старейшин “Казачьих войск Великого братства Руси и Зарубежья”, Старейшин казаков Адыгейского отделения “Союза казаков России”, Старейшин Майкопской городской общественной организации Адыгэ Хасэ (Черкесский совет).

Председатель
СОВЕТА “СТАРЕЙШИНЫ АДЫГИ”
А.А. АДЖИГИРИЕВ

ционные ресурсы коммунистов и патриотов по-прежнему в тысячу раз меньше, чем у шендероганопольцев.

Ну, а с выборами всё очевидно. Собчак будет зарегистрирована, ей устроят яркую кампанию и будут рисовать ей второе место. Это нужно и для процесса декоммунизации. Людей просветского ориентации унизят вторым местом Собчак, после чего опять придет Чубайс с гвоздем и будет пытаться (как в 1996 году) забить его в гроб коммунизма.

А Бабурин соберет подписи, но избирком объявит их фальшивыми. Или при проведении Бабуриным собрания по выдвижению будет звонок о минировании здания, и всех выведут.

И отправят на принудительные работы. Знаем, как это делается. Плавали много лет.

Александр КЛИМОВ

о вночнем лакее, – а ведь, может быть, ему-то, Смердякову, и придется еще сыграть не последнюю роль в судьбах всей семьи, а стало быть, и всей ненавистной ему, так называемой матушки-России...”

Страшные слова, сказанные еще задолго до либеральной революции 1991-93 годов!

А чтобы полнее понять то явление, которое я называю системообразующей преемственностью (или даже семейственностью) либеральной русофобии, повторюсь – вне зависимости под какими флагами она марширует, я процитирую одно очень характерное наблюдение известного литературоведа и критика Ю.М. Павлова:

“Естественно, когда знаешь, что “левые” (читай “либералы”, – А.Ш.) либо не скажут в своей истории о Рубцове и его товарищах, либо назовут “смердяковской русской поэзии”. (Это об одиомённой статье литературоведа Новикова, опубликованной в 1994 году, – А.Ш.)

И вот это уже характерный пример смыслового онтологического перевёртыша, который вскрывает главный секрет в “преемственности революционных элит”. Когда внуки и правнуки русофобствовавших смердяковых обвиняют в смердяковщине же столь ненавидимый ими русский народ, и констатируют, что это не вопрос крови, а вопрос идеологии, её происхождения и конечного членоползания.

И вот об этом-то – вполне открыто и определённо пишет Юрий Селезнёв в 80-е годы XX века в уже упоминавшейся книге “Достоевский”. Он рассматривает ещё один из “символов” российского либерализма, лакея Смердякова:

“Иван “мирит” их, размышляя про себя: ежели одна гадина другую поедает, то какой, мол, от того грех? Одна только польза...”

Внимательно прислушивается к логике идей Ивана лакей Смердяков – тоже ведь один из “братцев”, правда, незаконный, прижитый папашей от несчастной юродивой Лизаветы Смердящей, и тоже по-своему философ. “Я всю Россию ненавижу, – открывенничает он. – В 12-м году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, отца нынешнему, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Сосем даже были бы другие порядки-с... Русский народ надо пороть-с, как правильно говорил вчера Федор Павлович, хотя и сумасшедший он человек со всеми своими детьми-с...”

Умственное лакейство смердяковщины, этого незаконнорожденного отечественного нашего дитяти, родственно, как считал писатель, лакейству мысли угрюмых тузлц либерализма. Смердяковщина – это смрад, исходящий от больного срамной болезнью общества. Ладно, Дмитрий – его-то Смердяков глупее себя почитает, но даже и умник Иван презрительно отзывается о Смердякове как

Алексей ШОРОХОВ

Лазарь Моисеевич Каганович (1893-1991)

Пародически обыгрывая библейское определение “жестоковости”, Осип Мандельштам обозначил окружение Сталина как “сбород тонкошеих вождей”. Действительно, забавно.

В то время, когда люди ещё в полной мере понимали, кто именно рулит страной, стихотворный оборот казался гордо смешнее. Это сейчас зачастую сталинскую гвардию принимают, награждая всяческими уничижительными кличками. А тогда с этими “тонкошеими вождями” даже такие откровенные революционные монстры как Троцкий должны были считаться.

Это сейчас питомцы ЕГЭ могут довольствоваться байками, как некий крово-

В сталинской команде

жадный иудей Каганович включил рубильник и, взрывая храм Христа Спасителя, заверещал: “Задерём подол матушке-России!”

В действительности никаких доказательств того, что 5 декабря 1931 года в 12 часов по московскому времени Лазарь Моисеевич Каганович произнёс свою фразу про подол, попросту не существует. Чистой воды фольклор. Не имеющий ни свидетелей, ни глубокой мотивации.

Начиная хотя бы с того, что умный Каганович никогда бы не стал так по-мелкому светиться. Его можно ненавидеть и придумывать про него любые гадости, но “тонкошеим вождём” Моисей не был никогда!

Американец Стюарт Каган, называющий себя его племянником, был куда точнее в формулировках – “Кремлёвский волк”. Приписал для названия своей книги другую цитату из Мандельштама, про век-волкодав.

В сущности Каганович сам успел, ещё при жизни, расставить все акценты. Его книга мемуаров “Памятные записки” выдержана со спокойным достоинством и этакой крестьянской мудростью.

Вот как, например, о теме сноса храма Христа Спасителя говорится в письме дочери Мае ещё в 80-х годах 20 века:

“Не сразу и не слегка был решён этот вопрос: в Московском Комитете и у меня лично, например, были возражения. Скажу прямо, что мы считали, что это политическое может задеть верующее население. В Моссовете, особенно, помню, его председатель тов. Иванов, высказывались за то, чтобы строить Дворец Советов на месте Храма Христа Спасителя. На заседании созданного правительством “Совета по строительству Дворца” во главе с председателем Совнаркомом т. Молотовым В.М. этот вопрос обсуждался не раз. В конце концов было принято в 1931 году постановление строить Дворец Советов вблизи Кремля, на берегу Москва-реки в районе Волхонки и Саймонского проезда путём сноса ряда строений, в том числе и Храма Христа Спасителя”.

Как видно из цитаты, из неудобного для себя положения Каганович выходит так, что лучше и придумать нельзя. В первых, разговор с дочерью – сам по себе выглядит тепло и человечно. Во-вторых, снос храма рассматривается исключительно в связи с необходимостью строительства Дворца Советов. В-третьих, сильно выглядят как бы вскользь брошенные русские фамилии.

Словом, ответ налицо и отпиской его не назовёшь. Равно как и выгораживанием себя. Оппонентам просто предлагается задуматься о контексте времени и о том, что бы они сами сумели сделать при таких исходных.

Касается это и темы Сухаревой башни. Которую, якобы, тоже снёс он, “жид Каганович”, в ритуальных, не меньше, чем Лазарь Моисеевич терпеливо объяснял в 1990 году:

“Вопрос о судьбе Сухаревой башни тянулся долгое время, обсуждать его было нелегко, решиться на слом – трудно. Поэтому смешными выглядят сейчас те, кто изображает это дело как легковесное и быстрое решение административного характера. Вопрос этот обсуждался в Моссовете, от которого исходила первая инициатива, и главным мотивом решения о сносе было увеличивающееся движение автотранспорта в городе, появление огромного количества автомобилей и каждодневная гибель людей возле Сухаревой башни. Когда я на совещании архитекторов назвал цифру – 5 человек в день, то известный архитектор товарищ Шусев поправил меня. Он сказал, что гибнет не 5, а 10 человек в день. Можно представить себе, что было бы, если бы сегодня стояла Сухарева башня, когда по Садовому кольцу идут сотни тысяч машин.

Вопрос этот был подвергнут обсуждению не только в Моссовете, председателем которого был Н.А. Булганин, не только в Московском городском Комитете партии, первым секретарем которого был Н.С. Хрущев, но и в областном партийном комитете, который возглавлял я, и в правительстве, и даже на Политбюро. Архитекторы признавали: надо что-то делать, ибо Сухарева башня пришла в крайне ветхое состояние, можно сказать, аварийное. Она вся была в трещинах: и внизу, и в фундаменте, и наверху. Её капитальный ремонт потребовал бы колоссальных затрат, огромных усилий и занял бы длительное время, не говоря уже о том, что одна из центральных магистралей Москвы, такая, как Лубянка (ныне улица Дзержинского), Сретенка и Большая Меандская улица (которая теперь называется проспектом Мира), была бы закрыта на длительное время”.

Каганович никого не обвиняет, не переводит стрелки, пытается быть логичным и доказательным. Одно это способно вызвать симпатию, поскольку подобная реакция вовсе не является для людей преобладающей.

В качестве контраста можно вспомнить Георгия Пятакова, который на поверку оказался действительно “тонкошеим вождём”. Человек требовал смертного приговора для Зиновьева, Каменева и компании, готовясь стать обвинителем на процессе. Вдруг подсудимые называют Пятакова своим сообщником, арестовывается его вторая жена Людмила Фёдоровна Дитятева, директор Краснопресненской ТЭЦ.

Что делает Георгий Леонидович? 11 августа 1936 года в разговоре с Ежовым, ещё не будучи арестованным, он кланяется, что “назначение обвинителем рассматривал как огромнейшее доверие

ЦК и шёл на это от души”, просит “предоставить ему любую форму реабилитации”. А напоследок предлагает “разрешишь ему лично расстрелять всех приговорённых к расстрелу на процессе, в т.ч. и свою бывшую жену” (“Известия ЦК КПСС”, №9, 1989 г.).

Какое разное реагирование на жизненные обстоятельства, какие разные реакции! Очевидно, что в том числе и поэтому именно Каганович, а не Пятаков и подобные ему, вошёл в число тех, кто сейчас именуется сталинской командой.

Вообще, это очень чётко следует понимать. Величие Сталина не просто в его индивидуальном величии, но, прежде всего, в умении подобрать команду, в тех людях, которые верой и правдой проводили в жизнь необходимые в данный период времени идеи.

Иначе говоря, невозможно говорить о некой Сталинской модели управления без уважительного отношения ко всем творцам и исполнителям этой модели. Величие Сталина в том, что рядом с ним были не лакеи, не пигмеи, но руководители и люди, в полной мере достойные своего вождя.

Тот же Лазарь Каганович. Личность весьма незаурядная. Смелый, бесстрашный, честный. При этом энергичный, волевой, глубоко преданный идеалам социализма. Мая Лазаревна вспоминала именно об этой расстановке приоритетов: “В 1959 г. мы назначили пенсию в 115 руб. 20 коп. На обычную пенсию в 120 руб. не хватило справок. Я долго ходила в Собес с томом Большой Советской Энциклопедии (изд. 1953 г.), где были указаны все его должности, а в Собесе отвечали, что БСЭ для них не документ. В Боткинском больнице ему сделали две операции, но нужны были постоянный уход и медицинское обслуживание. В общем, я решилаась и стала, втайне от отца, писать в разные высокие инстанции письма, добиваясь улучшения положения дел Героя Социалистического Труда. Я писала Хрущёву, Косыгину, Брежневу – и не получала ответов, ни положительных, ни отрицательных. А он в это же время писал письма с просьбой восстановить его членство в партии. Наконец ему дали персональную пенсию и право пользоваться хорошей поликлиникой (я просила только о поликлинике). Он, конечно, поблагодарил, но мне сказал: “Лучше бы в партии восстановились”.

У Лазаря Моисеевича до последнего вздоха была одна жена (Мария Марковна Приворотская, член партии с 1909 года) и одна жизненная идея. Которым он не изменял, как никогда не изменял своей Советской стране и своему вождю.

Даже свои воспоминания он, гонимый, опальный, с перестроечной печатью “кровавого жид”, воспринимал не как сугубо личное дело, а как очередное партийное поручение.

“Именно в этом главная задача воспоминаний – показывать прошлое не как прошлое/будущее снег – яркий, красочный и полезный-де в своё время, но якобы потерявший ценность для настоящего и будущего времени, а раскрывая прошлое, как острое оружие для современной и будущей борьбы коммунистов, пролетариата и угнетённых всех стран мира. Только при том условии наши воспоминания опровергнут меандское изречение, что “старик живёт лишь воспоминаниями о прошлом”. Своими правильным освещением прошлого они будут продолжать свою интернациональную коммунистическую работу и революционную борьбу в настоящем.

Прошлое, связываемое с современностью, с живой действительностью; – это и настоящее и будущее. Наше большевистское Ленинское прошлое – это не мёртвая история законченной якобы революционной борьбы, а живая, действенная история незаконченной, продолжающейся ещё революционной борьбы на современном этапе”.

У Кагановича, кажется, совсем не было периода его идейного становления. Стать большевиком для него оказалось таким простым делом, как начать дышать.

С малых лет в своей деревне Кабаны, расположенной в 30 км от Чернобыля, мальчик познавал не только азы тяжёлого крестьянского труда в большой семье, но и впитывал науку так называемого “стихийного интернационализма”.

“Дружлик каждый в отдельности и все вместе: Израил с Романом, Арон и Михаил с Савкой, который, кстаи сказать, потом совсем ушел в город и пролетариализовался там, за что кулаки его прозывали “бояском”; Яша и я дружили с Назаром и Оникеем, а Сила – самый младший сын Игната – дружил со всеми. Попеременно мы ходили друг к другу, ели друг у друга картошку в мундире и, когда было, то с кислым молоком, иногда даже сало, когда оно было у Игната. Озорному Силе доставляло большое удовольствие бегать к моей матери и докладывать ей, “что ваш Лейзар сала наився, та ще и парэхрытывся”.

Не нужно было Лазарю объяснять и гниль окружающий общественной системы. Которая не только никого уже не объединяла, но, наоборот, трещала по швам, разрываясь от внутренних противоречий.

Доходило до того, что солдаты, присланные на подавление крестьянского восстания, которое вспыхнуло в середи-

не декабря 1904 года в селе Лубянка (три версты от Кабанов), сами тяготились своей ролью. Являясь не опорой державы, оплотом порядка, но, скорее, миной замедленного действия.

Девчата рассказывали, что когда они упрекали солдат за совершаемое “поган-но дило”, за лихо “своим же братьям-крестьянам”, те только стыдливо, тихо отвечали: “Так разве ж мы по своей воле, нам так приказано, а не сдлаещя по приказу, тебя самого сносят в каземе, а то ещё и расстреляют”.

Тогда же, сызмальства, Лазарь понял разницу

Андрей
КАНАВЩИКОВ

между большевиками и сионистами, которая буквально кричала даже из ветхозаветных книг, отличая особую лубовую пророка Амоса, вышедшего из пастухов. Подбросила соответствующий пример и сама жизнь.

Так, Кагановичу однажды довелось работать грузчиком на мельнице, которой владел богач Бродский. После стычки с

начальством и стремительного увольнения товарищи шутили:

“Вот видишь – хозяйина Бродского зовут Лазарь и тебя зовут Лазарь, пошел бы ты к нему и сказал бы: как же это ты, Лазарь, уволил Лазаря, нехорошо, мол, это; гляди, он бы устыдился и восстановил бы тебя, да ещё с прибавкой”. Все смеялись и говорили: жди от кровососа милости, а один грузчик добавил: “Он, Бродский, еврей и ещё более зол на еврея рабочего, который ему не кланяется, а ведет с ним борьбу”.

Урок не прошёл даром. Каганович вспоминал: “Впоследствии, когда я уже был членом партии, я использовал этот конфликт в борьбе с сионистами, покровителем которых был этот миллионер Лазарь Бродский”. Причём, Лазарь Моисеевич именно усвоил не внешний, национальный, слой полученного им урока, но именно слой внутренний, главный. Учась подходить к пониманию лубых процессов в обществе с “пролетарски-классовой точки зрения”.

В сочетании с личной смелостью этот талант Кагановича приобретает часто поэтичные уникальные свойства. Так, однажды в Киеве на Контрактовой ярмарке на Подоле повздорили безработные.

“Один из безработных начал посмеиваться над другим безработным из крестьян в свитке и лаптях: “И чего тебе понаесло в Киев из украинской деревни? Земля у вас на Украине получше нашей, Калужской, небось, прокомрила бы и тебя и семью, не то что у нас в Калуге. Сидел бы “хохлик” у себя в деревне и ел бы “картоплик” с “салом”.

И вот этот “хохлик”, как его называл калужский, вспыллил и резко отчитал калужанина: “Як бы ты побачив наше сзло и як мы живаемо, ты можа такы глупства и нз казав бы; колы нама нз коня, нз вола, що ж ты зробыш з одной землей, ось ты с циею землей вично у богатого в кармани зо всеми потрохаами, ось чому я тут в Києве пропадаю. А ты сам мыни скажи, чого ты и друга кацапы понаихали судьи у наш Киев, шукали б соби роботу у сзбэ дома, тоди мы, тутшони, скорийш знайшли б соби роботу”.

В перебранку постепенно стали включаться всё новые люди. Крики становились всё громче. Очередной спорщик заявил: “Вот именно русских, а тут, смотри, набрались и жидки, гнать их надо отсюда”. Каганович в ответ на выпад не растерялся и вышел вперёд: “Быстро соорбавиз, куда это клонит, решившись, я громким, звучным голосом крикнул: “Послушайте, что вам хочет сказать молодой, но такой же несчастный безработный, как и вы. За что, за каким таким богатством вы тут готовы съесть друг друга, за дырявый карман, в котором ни шиша нет? Все богатства у хозяев-капиталистов, у помещиков, у купцов, у богатеев всех наций. Это наши руками, потом и кровью они нажили свои капиталы. Когда им выгодно, они нас держат, когда невыгодно, они нас выгоняют, делают безработными. Вот я вам расскажу, кто главный виновник моей теперешней безработицы”.

И я рассказал им историю моей работы и увольнения с работы на мельнице миллионера Лазаря Бродского”.

Страстная речь Кагановича завершилась тем, что евреев битко не стал и даже сами провокаторы приумолкли, согласившись, что гольтебе лубых наций нечего делить, в общем-то, нечего. Это был очередной урок, который Лазарь Моисеевич тоже выучил с честью: “... я тогда особенно почувствовал и понял великую силу слова – правильное (о слова). Потом был пробковый завод и попытка увольнения Ефима Ковальчука, за которого вступился Каганович. Были завод сельтерских вод, мывоваренный завод, кондитерская фабрика, кожевенный завод...”

В августе 1911 года Каганович принят в ряды Киевской организации Российской социал-демократической партии.

Постепенно приходила человеческая и идейная зрелость. Это стало особенно ясно перед митингом в Юзовке (Сталино, Донецк). Каганович случайно услышал разговор двух рабочих. “Какую, что выступати будэ жид”, – сказал один. На что ему ответил другой: “Дурак ты, хоть жид, да наш”.

К октябрю 1917 года, таким образом, Лазарь Моисеевич был уже признанным лидером с вполне очевидным комплексом достоинств. В полной мере его дар убеждения и общения проявился в беседе с казаками, которые стояли на станции Гомель, чтобы ехать в восставший Петроград...

Первую группу пропагандистов казаки просто избили. Вторую, составленную из более пожилых, не избили, но тоже грубо прогнали. Тогда Каганович поехал лично, невзирая на все риски. Поехал и нашёл контакт с казаками.

Даже офицер с криками о “жидовстве” не стал помехой...

(Полная версия – на сайте)